

ПОЛЕВАЯ АРХЕОГРАФИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О НОВЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы «Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета» в 2014–2015 гг.

На примере публикаций, посвященных старообрядческой книжной культуре Верхоямья и Южной Вятки, рассматриваются современное состояние и перспективы развития одной из старейших гуманитарных дисциплин – полевой археографии.

Ключевые слова: полевая археография; кириллическая рукописная и старопечатная книга; поиск и презентация старообрядческих книжных собраний.

Археографии в ряду научных дисциплин, имеющих дело с «полем», принадлежит особое место. Изучающая воплощенную в памятнике письменности или печати жизнь общества, она давно является комплексной областью знания, где историко-документальная экспертиза *реальных* книг дополняется реконструкцией социальных сетей, рожденных их *интерпретациями*.

Тем более парадоксально, что полевая археография, еще в 1960-е гг. обратившая внимание на «культурно-бытовое и историческое окружение» религиозного текста [1], сегодня остается малоизвестной как своей «ровеснице» – англо-американской антропологии письма и чтения [2], так и относительно молодым отечественным опытам анализа «социальных проявлений письменного» [3]. Видимо, можно назвать ряд идеологических, научных и социальных факторов, действием которых дисциплина зачастую воспринимается в отрыве от исследований феномена грамотности (*literacy studies*) и ассоциируется с изучением отдельных конфессий или книжных собраний. Во-первых, это обусловлено разницей национальных вариантов гуманитарного знания и непониманием особенностей их становления: для европейцев обращение к термину «археография» было кратким эпизодом конца XVIII в., в России именно «путешествующая археография» стала способом спасения культурного наследия прошлого и формирования источниковой базы историка XIX–XX в. [4]; во-вторых – трудностями вхождения постсоветской гуманитаристики в пространство мировой науки и надеждами на то, что перенос актуальных «там» терминов, концепций и направлений преодолет разрывы «здесь».

Практика показывает, что заимствование и диалог – принципиально разные по результатам процессы, потому сейчас особое значение приобретают исследования, развивающие отечественную интеллектуальную традицию и одновременно ориентированные на презентацию ее достижений интернациональному академическому сообществу. Именно к таким, на мой взгляд, относится цикл работ археографов Московского государственного университета – одного из ведущих центров по изучению кириллической книги и ее хранителей – староверов [5, 6]. Выход в свет этих исследований дает повод для возвращения к разговору о перспективах полевой археографии, используемых методах сбора материалов и принципах введения их в научный оборот [7].

Этос «поля». Как известно, еще П.М. Строевым – родоначальником полевой археографии – была высказана гипотеза о том, что в руках староверов могут находиться кириллические тексты, написанные или напечатанные до никоновских реформ [8. С. 68]. И хотя ее состоятельность была подтверждена еще В.И. Срезневским (1901–1905) и В.И. Малышевым (1930-е гг.) при обследовании книжных собраний Русского Севера [9, 10], планомерная работа с общинными и семейными библиотеками староверов началась лишь в 1956 г. после восстановления по инициативе М.Н. Тихомирова при Академии наук СССР Археографической комиссии [11].

Полевая археография XX в., как прочие гуманитарные дисциплины, испытала влияние идеологии, но ее изначальный академизм и обязательность профессиональной подготовки участников экспедиций привели к тому, что ей оказалось чуждым изучение староверия с «перевоспитательной» целью, характерное для советского религиоведения [12]. Она всегда оставалась отраслью научного знания и развивалась в русле господствовавших парадигм. Так, в 1960–1970-е гг. выявление и помещение кириллических текстов в государственные хранилища согласовывалось с задачами расширения доказательной базы теории формаций и уточнения религиозной природы антифеодальных движений. В 1980–1990-е гг. – определялось поворотом отечественной гуманитаристики к феномену «культуры», в логике которого старообрядческая книжность оценивалась как фактор сохранения национальных традиций, народный вариант освоения христианского наследия.

В равной мере дискуссии последних лет о целях и методах археографического поиска имеют научную природу и вызваны, с одной стороны, структурными изменениями в социогуманитарном знании, с другой – сокращением памятников книжности в старообрядческих общинах вследствие масштабных экспедиций прошлых лет [13–15]. В настоящее время они привели к складыванию и в известной мере дистанцированию двух подходов к полевым исследованиям. Первый, если воспользоваться метафорами М.М. Бахтина «книги-вещи» и «книги-личности» [16. С. 339], строится на просветительской концепции науки как гуманистической ценности и исходит из того, что системное изучение религиозного сообщества возможно

в условиях физического изъятия его литургических, уставных, четких текстов. Второй сформировался под влиянием идей о неоднозначном влиянии научного прогресса на общество, рассматривает «текст» в качестве полноправного агента коммуникаций, утрата которого трансформирует социальную жизнь.

Размывание задач дисциплины с почти двухвековой историей вряд ли следует оценивать в минорных тонах. Скорее, оно характеризует ситуацию, когда документальная и нарративная база перерастает имеющиеся аналитические рамки и предполагает обращение к типологиям и классификациям источниковедения XXI в., пригодным для описания находящихся в «живом обращении» книг.

Именно момент поиска устойчивых иллюстративно-объяснительных моделей отражают публикации московских археографов, чье значение не ограничивается подведением итогов работы в Верхокамье и на Южной Вятке, как это скромно обозначено в заглавиях. Причем в данном случае можно говорить именно о методическом значении, поскольку ими продемонстрирован кумулятивный эффект соединения целевых установок полевой археографии, восходящих к разным типам научного знания.

В итоге реализуется археографическое исследование, развивающее традиции собственной «школы» – комплексных экспедиций Московского университета [17, 18]: оно ориентировано на изучение условий и форм сочетания «письменных» и «устных» компонентов старообрядческой культуры и вместе с тем стремится переосмыслить круг знаний о региональной книжности в соответствии с новыми условиями работы в «поле». И это сочетание оказывается продуктивным. Сопровождение археографического описания действующих общинных библиотек материалами разного происхождения – от государственных до личных – дает исследователю-читателю информацию не только о «книжных миграциях», но и обстоятельствах складывания социальных практик, восходящих к религиозному тексту и повседневности.

На последнем остановлюсь особо. Жизненные стратегии, предлагаемые христианской литературой, исследуются в рамках многих научных направлений, но, например, в медиевистике опасность принять идеологические по характеру суждения за реальные поведенческие акты достаточно высока. Эмпирическая ценность полевой археографии заключается как раз в ее возможности наблюдать бытование конфессионального текста в мирской среде и, соответственно, реконструировать социальные воплощения рефлексий о вере. Археограф, имеющий дело с локальным коллективом, видит, как с помощью доступного набора религиозных текстов он легитимирует нужные ему действия, подчас игнорируя их уязвимость с канонической точки зрения. Именно легкость совмещения сакрального и профанного фиксируют верхокамская и южновятская «народные Библии» – фрагменты интервью, открывающие религиозную картину мира старовера XX – начала XXI в., представленные в изданиях московских коллег.

Не знакомому с тонкостями «археографического ремесла» может показаться, что их запись не состави-

ла труда. На самом деле за этой публикацией стоит кропотливый труд *нескольких* поколений ученых МГУ, из сезона в сезон формировавших доверие и уважение к своим исследованиям. Без них беседа о вере невозможна, и «чужаку» мягко, но твердо дадут это понять. Зато каждому археографу, долго работающему на одном месте, знакомо труднопередаваемое словами ощущение, когда становится понятно – страх перед расспросами ушел, и сам факт «приезда – изучения» становится предметом гордости старообрядческой общины, значимым событием ее истории.

Однако у медали есть обратная сторона: археограф – не просто спрашивающий наблюдатель, годы общения делают его собеседником во всей полноте значений слова.

Это обстоятельство сегодня, по мнению Е.Б. Смилянкой, выступает основой для кристаллизации исследовательского интереса к феномену разговора как средства формирования мировоззренческих и поведенческих установок его участников [19. С. 8]. Этические аспекты проблемы анализируются сегодня в рамках всех российских дисциплин, чья источниковая база складывается в ходе коммуникации «исследователь – респондент» [20]. Полевая археография способна внести вклад в разработку ее научной составляющей, поскольку все чаще изучение «социальной оболочки» конфессионального текста сопровождается «встречным опросом» – ситуацией, когда старообрядческая община обращается к знаниям и советам археографа.

Причины явления вполне прозаичны – современное старование в подавляющем большинстве не получило теологической подготовки у «своих стариков», чувствует себя неуверенно в массиве канонической и учительной литературы и, как следствие, не владеет навыками превентивного управления собственными изменениями. В этих условиях велика вероятность того, что результатом наших рассказов об истории церковного раскола или помощи с поиском информации о христианских обычаях и установлениях может стать новый вариант «народной Библии», отвечающий всем признакам *trail-lore* – контактного нарратива, возникшего в ходе общения [21. С. 48–53].

Первые опыты осмысления такого рода рисков также являются заслугой участников археографической экспедиции МГУ – лингвистов С.Е. Никитиной и Е.М. Сморгуневой, настаивающих на необходимости прогнозировать последствия научного вмешательства в изучаемую религиозную культуру [22, 23]. Не менее ценным представляется развитие этих идей Санкт-петербургским этнологом О.М. Фишман об обратном воздействии респондентов на исследователя и, соответственно, о многослойности и тенденциозности его полевых записей [24].

Новый разворот исследовательских саморефлексий позволяет предположить, что в ближайшем будущем археографической корпорации наряду с продолжением разговора о методах работы «в поле» потребуется обсуждение форм введения в научный оборот материалов региональной конфессиональной книжности. В этом смысле публикации московских ученых также могут служить точкой отсчета.

Этос презентации. Еще десятилетие назад вопрос о том, как полевая археография должна знакомить коллег со своими достижениями, не стоял в принципе – казалось, что восходящая к XIX в. традиция публикации каталогов со справочными материалами-указателями решает его оптимальным образом. Сегодня такие издания не удовлетворяют исследователей – не-археографов, рассчитывающих наряду с детальным описанием книжного памятника получить развернутые сведения о социокультурных обстоятельствах его бытования. У конфликта интересов есть объяснение: правила, созданные для демонстрации *прямых и поддающихся унификации* результатов историко-документальной экспертизы, не годятся для систематизации *неструктурированной контекстной* информации, полученной в ходе бесед, помощи по хозяйству, совместных визитов в гости и т.д.

Очевидно, чтобы представить конечную совокупность книг и бесконечное многообразие интеллектуальных практик, действием которых в сообществах их хранителей формируются знания, иерархические связи и идентичности, требуются иные подходы. При всей тривиальности вывода следует заметить, что «путешествующая археография» – дисциплина с почти двухсотлетним полевым стажем – обращалась к проблеме комплексной презентации лишь эпизодически [25]. Видимо, это определяется, с одной стороны, разной сохранностью территориальных конфессиональных комплексов и сложностью создания универсальной методики выявления их письменных и устных воплощений; с другой – трудностью описания всех интеракций, возникающих при прямом и опосредованном влиянии на индивидов и коллективы религиозного текста.

В связи с этим заслуживает внимания замысел московских археографов с помощью документов и нарративов охарактеризовать социально-коммуникативную среду, где определяется необходимый и желательный круг чтения, устанавливается порядок использования функционально несхожих текстов. Это оказывается эффективным средством продемонстрировать своеобразие книжных культур Южной Вятки и Верхокамья и историческую динамику старообрядческого письма и чтения в двух территориальных вариантах. Преимущества такого рода презентации очевидны: наряду с информацией о людях и текстах – древних и новых, авторских и компилятивных – она предоставляет сведения косвенного характера, например, о смене в системе авторитетов, догматических и обрядовых нововведениях.

Переориентация от явлений и институтов к процессам, их порождающим или разрушающим, расширяет научные горизонты полевой археографии и вместе с тем ставит ее перед другой проблемой. Известно, что смена целеполагания сопровождается ревизией источниковой базы, маркированием ее как неадекватной актуальным задачам, и нередко состояние неопределенности, когда исследовательский интерес еще не обрел фактографическую основу, ведет к «изобретению традиции» в логике модерн-проекта [26].

Непреднамеренная «правка реальности» в ходе введения в научный оборот материалов полевых исследований давно исследуется этнологией и социальной антропологией [27]. Очевидно, полевая археография стоит на пороге этого. Московские археографы попытались решить ее, как бы самоустранившись, – они остаются «в тени», сознательно отказываясь от интерпретаций собственных материалов, предоставляя право делать выводы коллегам-читателям. Думается, избранный путь перехода от ознакомительных каталогов к формированию банка данных по региону, ориентированному на интересы специалистов разных областей знания, – не единственный.

Принципиально новые перспективы для полевой археографии открывают современные технические средства, позволяющие создавать комплексные цифровые ресурсы и систематизировать большие массивы текстовых, визуальных и картографических данных. Идея археографического интернет-проекта не нова [28], но в условиях возрастания количества и качества виртуальных научных коммуникаций, как показывает опыт уральских археографов, становится все более востребованной [29]. Причем сегодня равным эвристическим значением обладают презентации не только территорий с определенным уровнем сохранности книжной традиции, но и отдельных конфессиональных собраний, чье складывание шло в контексте развития конкретных поселенческих и церковно-приходских структур, формальных и неформальных религиозных центров [30].

Понимание конфессионального собрания как части регионального культурного ландшафта предполагает определение формата представления «человека читающего» и «книги читаемой», который минимизировал бы риск разрушения действующей религиозной традиции и отвечал современному уровню знаний о конфессиональной книжности. В данном случае речь идет именно о *выборе* формата и, соответственно, о коллегиальном решении проблем этического и содержательного характера.

Прежде всего это касается конфиденциальной информации респондентов. Полевой археографии пора разработать средства ее защиты и, например, перечислить ситуации, когда указание персональных данных (имя, возраст, образование, профессия и пр.), места и времени интервьюирования является обязательным для обеспечения валидности выводов исследования. В аналогичных охраняемых мерах нуждаются старообрядческие общинные и семейные собрания, в составе которых находятся древние книги высокой антикварной стоимости. В настоящее время есть настоятельная необходимость, во-первых, в правовом обеспечении системы резервного копирования, когда община сохраняет свои книги и получает их инвентарную опись, государственное учреждение – цифровые копии и возможность учета книжных памятников из частных собраний; во-вторых, в классификации «пользователей» археографических интернет-сайтов и организации разных зон доступа к его материалам для профессиональных исследователей, «интересующихся» и «любопытствующих».

Не менее сложным является вопрос об электронном формате кириллической книги. Исследователям христианской литературы известно, что научное значение кириллической книги не исчерпывается текстом и изображениями. Принятая сегодня полистная оцифровка ориентирована на их передачу, но она не способна донести важность тактильного контакта со старинной книгой и, соответственно, объяснить не державшим ее в руках, почему в народном православии она воспринимается как святыня, а в староверии по сей день существуют правила ее хранения и даже похорон. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования новосибирских археографов по определению контента полистно оцифрованной христианской книги, передаче как ее специфики – принадлежности к мирам вещей и духовных сущностей, так и истории бытования [31].

Археографический информационный ресурс, объединяющий разные отрасли социогуманитарного знания, – неважно будет реализован он в традиционном печатном или электронном виде – наряду с определением, какие данные, в каком объеме и для какой аудитории будут предоставлены, требует от «создателей» понимания – что он даст для развития самой дисциплины?

Ответ на него, вероятно, требует отказа от восприятия полевой археографии как инструмента по поиску и перемещению книжных памятников в государственные книгохранилища. Она давно вышла за рамки позитивистской научной парадигмы и в ходе работы со старообрядческими собраниями, включающими рукописи, печатные книги периода Средневековья и сочинения современных идеологов движения, выработала разные подходы к анализу сложных, подвижных комплексов текстов и сопровождающего их «знания», воплощенного в нормах и практиках обращения с конфессиональной книгой.

Как убеждают издания московских археографов, несоответствие понятийного аппарата полевой археографии собственным задачам – проблема, поставленная еще в 1980-е гг. [32], – может быть решена только «открытием границ» и целенаправленным формированием научного и общественного интереса к своим исследованиям. Только в этом случае изучение религиозных групп «бумажного мира», для которых обладание «бумажной» книгой остается смыслом жизни, позволит одной из старейших российских гуманитарных дисциплин осваивать новые академические ниши сегодня и выбирать точки роста завтра.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Проблемы полевой археографии*. М. : [б.и.], 1979. 163 с.
2. Goody J., Watt I. The Consequences of Literacy // *Comparative Studies in Society and History*. 1963. Vol. 5, is. 3. P. 304–345.
3. Мельникова Е.А. «Воображаемая книга»: очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 182 с.
4. Валк С.Н. Избранные труды по археографии. СПб. : Наука, 1991. 365 с.
5. *Материалы к истории старообрядчества Южной Вятки (по итогам комплексных археографических экспедиций МГУ имени М.В. Ломоносова)* : сб. документов / сост. В.П. Богданов и др. ; отв. ред. В.П. Богданов. М. : МАКС Пресс, 2012. 308 с.
6. *Материалы к истории старообрядчества Верхочамья: по итогам экспедиций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова* : сб. документов / отв. ред. В.П. Богданов, В.П. Пушкин. М. : МАКС Пресс, 2013. 276 с.
7. Поздеева И.В. Полевая археография XXI века // *Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России (1965–2005)*. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2008. Т. 1. С. 132–148.
8. Барсуков Н. Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. 668 с.
9. Срезневский В.И. Описание рукописей и книг, собранных для Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913. XVIII, 688 с.
10. Мальшев В.И. Задачи собирания древнерусских рукописей // *Труды отдела древнерусской литературы*. Л. : Наука, 1964. Т. 20. С. 303–332.
11. Покровский Н.Н. Пути изучения истории старообрядчества российскими исследователями // *Археографический ежегодник за 1998 год*. М. : Наука, 1999. С. 3–20.
12. Шамаро А. Кержацкие тропы // *Наука и религия*. 1959. № 4. С. 68–76.
13. Бахтина О.Н., Керов В.В., Дутчак Е.Е. «Егда чтем, Господь к нам беседует»: к вопросу об институционализации социальной археографии // *Вестник РУДН. Сер. История России*. 2006. № 1. С. 73–85.
14. *Традиционная книга и культура позднего русского Средневековья*. Труды Всерос. науч. конф. к 40-летию полевых археографических исследований Московского университета им. М.В. Ломоносова : в 2 ч. / отв. ред. И.В. Поздеева. Ч. 2 : История, книжность и культура русского старообрядчества. Ярославль : Ремдер, 2008. 356 с.
15. *Язык, книга и традиционная культура позднего русского Средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе XXI в.* : тр. II междунар. науч. конф. / отв. ред. И.В. Поздеева. М. : [б.и.], 2011. 711 с.
16. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с.
17. Кобяк Н.А., Леренман М.М., Поздеева И.В., Смилянская Е.Б. Задачи и результаты комплексных археографических экспедиций Московского университета 1966–1980 гг. // *Русские письменные и устные традиции и духовная культура (По материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.)*. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 11–39.
18. *Традиционная культура Пермской земли: К 180-летию полевой археографии в Московском университете, 30-летию комплексных экспедиций Верхочамья*. Ярославль : Ремдер, 2005. 480 с.
19. Смилянская Е.Б. Предисловие // *О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива)* / под ред. Е.Б. Смилянской. М. : Индрик, 2012. С. 7–12.
20. *Этические проблемы полевых исследований* // *Антропологический форум*. 2006. № 5. С. 7–166.
21. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М. : ОГИ, 2004. 544 с.
22. Никитина С.Е. О «нас» и о «них» // *Живая старина*. 2001. № 1. С. 5–7.
23. Сморзунова Е.М. Что же такое «устный нарратив» и что мы от него ждем // *О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива)* / под ред. Е.Б. Смилянской. М. : Индрик, 2012. С. 33–46.
24. Фишман О.М. «Лицом к лицу»: из опыта полевой коммуникации // *О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива)* / под ред. Е.Б. Смилянской. М. : Индрик, 2012. С. 15–32.

25. Поздеева И.В. Поливидовой территориальный архив Верхоямья: история формирования, состав, перспективы сохранения и использования (результаты комплексных экспедиций Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова 1972–1988 гг.) // Отечественные архивы. 2000. № 4. С. 24–35.
26. Шемакина О.Д. О принципах описания границ традиционной культуры в модерн-эпоху // Цивилизации. М. : Наука, 2014. Вып. 9. С. 121–139.
27. Исследователь и объект исследования // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 9–134.
28. Бахтина О.Н., Носков А.В., Хасанов В.Я. Концепция создания компьютерного археографического атласа Томской области // Археографический ежегодник за 1998 г. М. : Наука, 1999. С. 54–62.
29. Совместный проект Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета и Британской библиотеки: URL: <http://hist.igni.uurfu.ru/lai/digital.htm>
30. Дутчак Е.Е., Васильев А.В., Ким Е.А., Полежаева Т.В. Православный ландшафт таежной Сибири // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–89.
31. Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. «Археография книжных памятников» в Федеральной целевой программе «Интеграция» (2002–2006) // Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России (1965–2005). Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2008. Т. 1. С. 23–40.
32. Амосов А.А., Бударягин В.П., Морозов В.В., Пихоя П.Г. О некоторых проблемах полевой археологии (в порядке обсуждения) // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1983. С. 5–18.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 апреля 2015 г.

FIELD ARCHAEOGRAPHY YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW: THINKING ABOUT RECENT PUBLICATIONS OF MOSCOW STATE UNIVERSITY

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 85–90. DOI: 10.17223/15617793/396/15

Dutchak Elena E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dee010@mail.ru

Keywords: field archaeography; manuscript and early-printed book in Church Slavonic Cyrillic; search and presentation of the Old-Believers' book collections.

Using the example of publications about the Old-Believers' book culture of the Upper Kam and South Vyatka areas based on the results of complex expeditions arranged by Moscow University, this article considers a current state and development prospects of one of the oldest Russian humanitarian branches of science – field archaeography. Field archaeography is a branch of science connected with search, expertise and introduction of historical and literary documents in the scientific sphere. Yet in the 1960s, it put a question of studying text / book in everyday life. Despite long and efficient research in studying folk Christian culture of writing and reading, its analytic practices are still poorly known and unclaimed by both domestic and foreign researchers of literacy studies phenomenon. It is caused by a number of ideological, scientific and social factors such as both a lack of the term “archaeography” in the European scientific discourse and a critical attitude to the scientific heritage of the Soviet period. In these conditions the research aimed at developing national intellectual tradition and, at the same time, at presenting its achievements to the international academic society is of great importance for field archaeography. One of it is a series of studies considered in this article performed by archaeographers from Moscow State University – one of the leading Russian centers of studying the Cyrillic book and its keepers – the Old-Believers. The significance of these publications is not limited by providing the documents on regional “Old-Believers' History” and catalogues from community and private book collections. Arranging scientific materials in these collections indicates new techniques necessary for working with book collections being in “live use” and new ways of presenting both field and archive materials showing socio-communicative processes where interpenetration of oral and written elements of the Old-Believers' culture takes place as well as ideological values and behavioural strategies of the Old-Believers in the 21st century are shaped. Thus, the publications of Moscow archaeographers allow the author to state the tendency to plastic correction of the field archaeography targets, adding traditional tasks on forming a scientific regional database to it and discovering texts / books of great scientific and cultural values by other research programmes. Their constituents are readiness to discuss the targets of archaeological research, ethic and scientific principles of introducing field materials in the scientific use and development of the digital presentations content of the Old-Believers' book collections as a historically formed information complex. The efficient performance of these research tasks will influence the ability of field archaeography to assimilate new academic niches these days and define its own development tomorrow.

REFERENCES

1. Chernykh, V.A. & Schmidt, S.O. (eds.) (1979) *Problemy polevoy arkheografii* [Problems of Field Archeography]. Moscow.
2. Goody, J. & Watt, I. (1963) The Consequences of Literacy. *Comparative Studies in Society and History*. 5 (3). pp. 304–345.
3. Mel'nikova, E.A. (2011) “*Voobrazhaemaya kniga*”: *ocherki po istorii fol'klora o knigakh i chtenii v Rossii* [“Imaginary Book”: Essays on folklore stories about books and reading in Russian]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo un-ta v Sankt-Peterburge.
4. Valk, S.N. (1991) *Izbrannye trudy po arkheografii* [Selected works on Archeography]. St. Petersburg: Nauka.
5. Bogdanov, V.P. (ed.) (2012) *Materialy k istorii staroobryadchestva Yuzhnoy Vyatki (po itogam kompleksnykh arkheograficheskikh ekspeditsiy MGU imeni M.V. Lomonosova)* [Materials for the history of Old Believers of South Vyatka (the results of archeography expeditions of Lomonosov Moscow State University)]. Moscow: MAKS Press.
6. Bogdanov, V.P. & Pushkov, V.P. (eds.) (2013) *Materialy k istorii staroobryadchestva Verkhokam'ya: po itogam ekspeditsiy istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomo-nosova* [Materials for the history of Old Believers of the Upper Kama: the results of the expeditions of the Historical Faculty of Lomonosov Moscow State University]. Moscow: MAKS Press.
7. Pozdeeva, I.V. (2008) Polevaya arkheografiya XXI veka [Field Archeography of the 21st century]. In: Dergacheva-Skop, E.I. & Alekseev, V.N. (eds.) *Drevnerusskoe dukhovnoe nasledie v Sibiri: nauchnoe izuchenie pamyatnikov traditsionnoy russkoy knizhnosti na vostoке Rossii (1965–2005)* [Old Russian Spiritual Heritage in Siberia: the scientific study of the monuments of traditional Russian literacy in the east of Russia (1965–2005)]. Vol. 1. Novosibirsk: GPNTB SO RAN.
8. Barsukov, N. (1878) *Zhizn' i trudy P.M. Stroeva* [Life and Works of P.M. Stroyev]. St. Petersburg.
9. Sreznevskiy, V.I. (1913) *Opisanie rukopisey i knig, sobrannykh dlya Akademii nauk v Olonetskom krae* [Description of manuscripts and books collected for the Academy of Sciences in the Olonets region]. St. Petersburg.
10. Malyshev, V.I. (1964) Zadachi sobiraniya drevnerusskikh rukopisey [The tasks of collecting ancient manuscripts]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 20. Leningrad: Nauka.

11. Pokrovskiy, N.N. (1999) Puti izucheniya istorii staroobryadchestva rossiyskimi issledovatelyami [Ways to study the history of the Old Believers by Russian researchers]. In: Schmidt, S.O. (ed.) *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1998 god* [Archeography Yearbook 1998]. Moscow: Nauka.
12. Shamara, A. (1959) Kerzhatskie tropy [Kerzhak trails]. *Nauka i religiya*. 4. pp. 68–76.
13. Bakhtina, O.N., Kerov, V.V. & Dutchak, E.E. (2006) “When we are reading, the Lord is talking to us”: The question of institution of social archeography. *Vestnik RUDN. Ser. Istoriya Rossii – Bulletin of PFUR. Series Russian History*. 2(6). pp. 73–85. (In Russian).
14. Pozdeeva, I.V. (2008) *Traditsionnaya kniga i kul'tura pozdnego russkogo Srednevekov'ya* [Traditional and book culture of the late Russian Middle Ages]. Proc. of the All-Russian Scientific Conference to the 40th anniversary of the Field Archeography Studies of Lomonosov Moscow University. Pt. 2: *Istoriya, knizhnost' i kul'tura russkogo staroobryadchestva* [History, culture and book culture of Russian Old Believers]. Yaroslavl: Remder.
15. Pozdeeva, I.V. (ed.) (2011) *Yazyk, kniga i traditsionnaya kul'tura pozdnego russkogo Srednevekov'ya v zhizni svoego vremeni, v nauke, muzeynoy i bibliotечноy rabote XXI v.* [Language, the book and the traditional culture of the late Russian Middle Ages in the life of the time in science, museum and library work of the 21st century]. Proc. of the II International Scientific Conference Moscow.
16. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.
17. Kobyak, N.A., Lerenman, M.M., Pozdeeva, I.V. & Smilyanskaya, E.B. (1982) Zadachi i rezul'taty kompleksnykh arkheograficheskikh ekspeditsiy Moskovskogo universiteta 1966–1980 gg. [Objectives and results of complex archaeography expeditions of Moscow University in 1966–1980]. In: Pozdeeva, I.V. & Koval'chenko, I.D. (eds.) *Russkie pis'mennye i ustnye traditsii i dukhovnaya kul'tura (Po materialam arkheograficheskikh ekspeditsiy MGU 1966–1980 gg.)* [Russian written and oral traditions and spiritual culture (the materials of archaeological expeditions of Moscow State University in 1966–1980)]. Moscow: Moscow State University.
18. Pozdeeva, I.V. (ed.) (2005) *Traditsionnaya kul'tura Permskoy zemli: K 180-letiyu polevoy arkheografii v Moskovskom universitete, 30-letiyu kompleksnykh ekspeditsiy Verkhokam'ya* [The traditional culture of the Perm land: the 180th anniversary of Field Archeography in Moscow University, the 30th anniversary of complex expeditions of the Upper Kama]. Yaroslavl: Remder.
19. Smilyanskaya, E.B. (2012) Predislovie [Preface]. In: Smilyanskaya, E.B. (ed.) *O svoey zemle, svoey vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv. (k izucheniyu biograficheskogo i religioznogo narrativa)* [On the land, the faith, the present and the experiences in Russia of the 20th – 21st centuries. (The study of biographical and religious narrative)]. Moscow: Indrik.
20. Forum. (2006) Eticheskie problemy polevykh issledovaniy [Ethical issues of fieldwork]. *Antropologicheskii forum*. 5. pp. 7–166.
21. Panchenko, A.A. (2004) *Khristovshchina i skopchestvo: fol'klor i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [Hristovschina and Skopchestvo: folklore and traditional culture of Russian mystical sects]. Moscow: OGI.
22. Nikitina, S.E. (2001) O “nas” i o “nikh” [About “us” and “them”]. *Zhivaya starina*. 1. pp. 5–7.
23. Smorgunova, E.M. (2012) Chto zhe takoe “ustnyy narrativ” i chto my ot nego zhdem [What is the “oral narrative”, and what we expect from it]. In: Smilyanskaya, E.B. (ed.) *O svoey zemle, svoey vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv. (k izucheniyu biograficheskogo i religioznogo narrativa)* [On the land, the faith, the present and the experiences in Russia of the 20th – 21st centuries. (The study of biographical and religious narrative)]. Moscow: Indrik.
24. Fishman, O.M. (2012) “Litsom k litsu”: iz opyta polevoy kommunikatsii [“Face to Face”: the experience of field communication]. In: Smilyanskaya, E.B. (ed.) *O svoey zemle, svoey vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv. (k izucheniyu biograficheskogo i religioznogo narrativa)* [On the land, the faith, the present and the experiences in Russia of the 20th – 21st centuries. (The study of biographical and religious narrative)]. Moscow: Indrik.
25. Pozdeeva, I.V. (2000) Polividoynoy territorial'nyy arkhiv Verkhokam'ya: istoriya formirovaniya, sostav, perspektivy sokhraneniya i ispol'zovaniya (rezul'taty kompleksnykh ekspeditsiy Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova 1972–1988 gg.) [Polyspecific territorial archive of the Upper Kama: history of formation, structure, prospects for conservation and use (the results of complex expeditions of Lomonosov Moscow State University in 1972–1988)]. *Otechestvennye arkhivy*. 4. pp. 24–35.
26. Shemyakina, O.D. (2014) O printsipakh opisaniya granits traditsionnoy kul'tury v modern-epokhu [On principles of describing the boundaries of the traditional culture in the era of modern]. In: Chubar'yan, A.O. (ed.) *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Is. 9. Moscow: Nauka.
27. Forum. (2005) Issledovatel' i ob'ekt issledovaniya [The researcher and the object of study]. *Antropologicheskii forum*. 2. pp. 9–134.
28. Bakhtina, O.N., Noskov, A.V. & Khasanov, V.Ya. Kontseptsiya sozdaniya komp'yuternogo arkheograficheskogo atlasa Tomskoy oblasti [The concept of creating a computer archeographic atlas of Tomsk Oblast]. In: Schmidt, S.O. (ed.) *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1998 god* [Archeography Yearbook 1998]. Moscow: Nauka.
29. A joint project of the Laboratory of Archeography Research of the Ural Federal University and the British Library. [Online]. Available from: <http://hist.igni.uafu.ru/lai/digital.htm>. (In Russian).
30. Dutchak, E.E., Vasil'ev, A.V., Kim E.A. & Polezhaeva, T.V. (2013) Orthodox Landscape of the Siberian Taiga Region: the Concept of Research. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 1. pp. 79–89. (In Russian).
31. Dergacheva-Skop, E.I. & Alekseev, V.N. (2008) “Arkheografiya knizhnykh pamyatnikov” v Federal'noy tselevoy programme “Integratsiya” (2002–2006) [“Archeography of book monuments” in the federal target program “Integration” (2002–2006)]. In: Dergacheva-Skop, E.I. & Alekseev, V.N. (eds) *Drevnerusskoe dukhovnoe nasledie v Sibiri: nauchnoe izuchenie pamyatnikov traditsionnoy russkoy knizhnosti na vostoke Rossii (1965–2005)* [Old Russian Spiritual Heritage in Siberia: the scientific study of the monuments of traditional Russian literacy in the east of Russia (1965–2005)]. Vol. 1. Novosibirsk: GPNTB SO RAN.
32. Amosov, A.A., Budaragin, V.P., Morozov, V.V. & Pikhoya, R.G. (1983) O nekotorykh problemakh polevoy arkheografii (v poryadke obsuzhdeniya) [On some problems of Field Archeography (a discussion)]. In: Sutyryn, B.A. (ed.) *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' dorevolutsionnogo Urala* [Political thought of the prerevolutionary Urals]. Sverdlovsk: Ural State University.

Received: 26 April 2015